

Научная статья
УДК 811.11-112
doi: 10.17223/19986645/75/11

Синтактико-морфологические аспекты русского перевода нижненемецких фамилий из исторических документов Любека XIV–XVI вв.

Екатерина Ричардовна Сквайрс

*Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия,
skvayrs@gmail.com*

Аннотация. Исследование позднесредневекового материала ономастики из Северной Германии направлено на разработку лингвистически обоснованных принципов передачи средненижненемецких фамилий для задач исторического и филологического изучения, научного перевода и публикации ценного рукописного источника. В центре исследования находятся морфологические и грамматические аспекты развития фамилий в Любеке в период 1318 г. – начало XVI в. и их передачи средствами современного русского языка.

Ключевые слова: Ганза, Любек, средненижненемецкий язык, фамилии, немецко-русский перевод, средневековые рукописи

Источник финансирования: работа выполнена в рамках проекта Новосибирского государственного университета, поддержанного РФФ (№ 17-78-20011: «Комплексное исследование коллекции западноевропейских средневековых рукописей в Томском государственном университете»), руководитель В.Л. Портных).

Для цитирования: Сквайрс Е.Р. Синтактико-морфологические аспекты русского перевода нижненемецких фамилий из исторических документов Любека XIV–XVI вв. // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2022. № 75. С. 221–244. doi: 10.17223/19986645/75/11

Original article
doi: 10.17223/19986645/75/11

Family names in 14th–15th-century Lubeck: Syntactic and morphological aspects of translation into modern Russian

Catherine R. Squires

*Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russian Federation,
skvayrs@gmail.com*

Abstract. The analysis of late medieval family names, originating from the Hanseatic cities of Germany, is carried out with the aim of developing linguistically sound methods of transcribing Middle Low German onomastic material for the tasks of historical and philological research. As an additional objective, the study is designed for practical application: to ensure correct translation into modern Russian

for the subsequent academic publication of a valuable historical document in the framework of a project supported by the Russian Science Foundation (RSF), currently running at Novosibirsk State University. The source of language material (an onomastic corpus of over 2000 lexemes) is the manuscript *Liber memorialis* of the city of Lubeck, containing administration records of the magistrate of the Hanseatic metropolis, covering a period between 1318 and the early 16th century. The original codex is held at the Tomsk University library (previously at the City Archive of Lubeck, Germany) and was made available for research by the project team. The family names under analysis belonged to magistrate members and other prominent historical personalia of the city; they sometimes run through several generations and are highly relevant for research, including Russian-Hanseatic relations. The rapidly growing amount of Russian studies concerning Hanseatic cities shows the need of useful and consequent rules of representing the onomastic material, contained in the medieval German texts, in modern Russian. The analysis focuses on morphological and grammatical aspects of the development of family names in 14th–15th-century Lubeck. Due to their secondary character (as semantic derivatives from names of professions, topo- and hydronyms, and personal nicknames) the analysed lexemes reach the status of family names in the course of changes, gradually taking place over a long period. Social and historical circumstances of these changes, their impact on the lexical units, and the possible criteria of establishing their accomplished onomastic status as family names are discussed and methods of overcoming the interfering effect of strong reduction and morphological homonymy, typical of the given language period, are elaborated. Thus, changes in gender, number, morphological type and syntactic behaviour of the analysed units are examined for the purpose of obtaining or verifying their nominative case forms. The resulting onomastic forms are then contrastively faced with the morphological models and declension types available in modern Russian. Recommendations for transcription are offered for every lexical group, while difficult or ambiguous cases are singled out and the possible options are proposed and argued.

Keywords: Hansa, Lubeck, Middle Low German, family names, German-Russian translation, medieval manuscripts

Financial Support: The study was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 17-78-20011.

For citation: Squires, C.R. (2022) Family names in 14th–15th-century Lubeck: Syntactic and morphological aspects of translation into modern Russian. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 75. pp. 221–244. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/75/11

Вводные замечания

Анализ проблем, касающихся передачи немецких средневековых фамилий в русском переводе, приобретает особую актуальность в связи с разработкой, публикацией и введением в научный и популярный культурный оборот большого массива исторических документов на средненижне-немецком языке, которые важны для изучения и понимания эпохи отношений между русскими землями и западом, в первую очередь между Новгородом и городами Ганзы¹.

¹ В последние десятилетия большой массив рукописных документов на средненижне-немецком языке, в том числе содержащий значительный корпус нижнемецкого

С изучением и введением в научный дискурс российской историографии средневековых документов, происходящих из городов Ганзы и в целом из области нижненемецкого языка, исследователи столкнулись с большим числом имен исторических личностей, ранее неизвестных по русскоязычным источникам и потому ещё не имеющих традиционного эквивалента в русском языке. В связи с этим встает проблема научно обоснованных принципов перевода этого важного и актуального ономаσιологического материала для употребления в письменной и устной русской речи.

Между тем вопрос о способах русского перевода фамилий из материалов на средненижненемецком языке эпохи Ганзы до сих пор не получал систематического рассмотрения. В словаре-справочнике Б.О. Унбегуана «Русские фамилии» целая глава посвящена неславянским фамилиям России, в одном из ее разделов говорится и о фамилиях западноевропейского происхождения [8. С. 268–269]. В качестве источников немецкой ономастики в русском языке автор указывает процессы, имевшие место в XVIII в.: 1) иммиграции профессионалов в различных сферах науки и техники, а также купцов; 2) включение в состав империи прибалтийских областей с их немецким населением; 3) крестьянские поселения немцев на юге России [8. С. 268]. Корпус изученного русского именослова немецкого происхождения, таким образом, отделяется большим хронологическим разрывом от длительной эпохи контактов северонемецкой Ганзы с Новгородской Русью, характеризующейся присутствием немцев из ганзейских городов в Новгороде и Пскове в XII–XVII вв. и наличием богатой письменной документации, содержащей многие сотни упоминаний купцов, дипломатов и городских должностных лиц, участвовавших в этих исторических событиях.

Правда, в научном дискурсе сложились определенные способы передачи средневековых имен Германии, часто противоречивые, местами стихийные, нередко встречается разнობой в реализации однотипных случаев¹. Обобщение

именослова XII–XVII в., оказался в поле внимания исследований по истории и филологии и стал предметом публикации и перевода в российских изданиях. Так, после 2000 г. появился ряд изданий по истории Новгорода на малоизученном западном материале [1–5]; также различными научными коллективами активно ведется работа по изданию рукописных нижненемецких источников, уже вышли в свет важные собрания источников, например [6, 7].

¹ Совершенно не имея намерений критиковать за это авторов, мы собрали примеры из русскоязычных научных монографий и изданий, высокий уровень и научный авторитет которых не вызывает сомнений. Напротив, некоторые из них являются основополагающими в своей области, в других впервые привлекался значительный новый материал. И те и другие поэтому в большой степени закладывают традиции передачи иностранной антропонимики, неизбежно оказываясь образцами для последующих работ. В этой связи анализ стратегий, принятых в этих исследованиях, и обобщение их положительного опыта или нерешенных трудностей представляется очень своевременным и важным для развития данной области историографии. Для выяснения основных проблем, с которыми сталкиваются русскоязычные исследователи и публикаторы, здесь были проанализированы транскрипции немецких фамилий из следующих трудов: [2, 4, 9, 10]. Поскольку целью привлечения этого материала является не критика отдельных

этого опыта позволило сделать вывод, что в целом в русскоязычной научной литературе преобладает тенденция к литературной нормализации немецких имен, при этом образцом нормы служат привычные приемы передачи общепотребительной европейской ономастики, например:

– формы с латинским окончанием *-us* лишаются этого окончания: *Laurencius* – Лаврентий;

– в формах номинатива восстанавливается исход основы по форме косвенного падежа: *Ebo* – Эбон;

– региональные варианты с окончанием *-e* в именительном падеже представляются в стандартной форме, без окончания: *Jacove* – Яков;

– фонетические регионализмы заменяются более привычными стандартными вариантами, например: нижненемецкое *-berch* – на соответствующую литературную форму *-berg*: *Ruggesberch* – Руггесберг.

В целом ряде подобных случаев транскрипции, встречающиеся в литературе, являются непоследовательными в отношении даже современных литературных форм немецких фамилий, поэтому неудивительно, что та же трудность проявляется и в передаче аналогичных средневековых имен, тем более региональных нижненемецких.

В данной работе предлагаются возможные решения для передачи в русском переводе фамилий из средневековых источников на средненижненемецком языке, происходящих из города Любека.

***Liber Memorialis* из Любека и материал исследования**

Основу корпуса исследования составляет книга административных записей города Любека: «Памятная книга» города Любека, известная в историографии как *Liber Memorialis* или *Memorialbuch*, XIV (1318 г.) – XVI в.¹ Надежность выбранного языкового материала обусловлена тем, что он относится к одному и тому же центру письменности (кодекс происходит из магистратской канцелярии Любека), профессионально записан писцами-носителями местного любекского городского койне, однороден в жанровом и хронологическом отношении (административные записи за определенный период жизни города). Важное преимущество этого источника для задач данной работы заключается в богатстве содержащейся в нем антропонимики (более 2 тыс. единиц), представленной в различных вариантах, как в нижненемецких, так и в латинских контекстах; нередки повторные

случаев, а составление общей картины немецкого именованного в русской передаче, указаний конкретных источников к отдельным примерам не требуется.

¹ Кодекс объемом 57 листов, происходящий из Архива ганзейского города Любека (*Archiv der Hansestadt Lübeck*), в настоящее время находится в собрании Научной библиотеки Томского государственного университета (шифр В-2900), ее изучение проводится в рамках проекта Новосибирского государственного университета, поддержанного РФФИ (№ 17-78-20011: «Комплексное исследование коллекции западноевропейских средневековых рукописей в Томском государственном университете»).

записи об одном и том же человеке или фиксация родственников и однофамильцев. Все это создает возможности для анализа, результаты которого нужны для успешного выполнения проектного исследования и последующей публикации материалов на русском языке.

Собранные фамилии принадлежат жителям центрального города Ганзы – Любека. Они в своем большинстве являются влиятельными горожанами, многие служат в магистрате или являются его членами и упоминаются в различной связи и в различных языковых контекстах:

– в списках избранных ратманов города – в форме сочетаний фамилий с крестильными именами и указанием времени избрания;

– в некроложных записях, содержащих краткий латинский текст с указанием даты смерти; для задач данной работы важно, что достаточное синтаксическое окружение позволяет установить надежные формы, в особенности важную форму именительного падежа;

– в различных записях о хозяйственных мероприятиях городских властей;

– в записях об исторических событиях; эти записи в жанровом отношении отличаются от остального материала книги: причины их включения в книгу не вполне ясны, а некоторые названные в них участники не являются любечанами.

Любекские фамилии: аспекты истории и теории

Признак номинации

Немецкие фамилии имеют, как правило, вторичное происхождение и в зависимости от первоисточника подразделяются на группы, самые большие из которых образуют производные:

– от топонимов, обозначающих родину носителя (город, деревню, местную реку, регион и т.п.);

– крестильных имен;

– названий профессий или вида занятий;

– особенностей внешности или личности (прозвища).

История развития немецких фамилий берет начало с XII в. [11. S. 47], а к XV в. этот процесс разворачивается уже в различных регионах Германии. Вместе с тем становление и закрепление фамилии как общего родового имени протекает неровно и характеризуется непоследовательностью и различиями в зависимости от принадлежности к конкретным сословиям и социальным группам. Городское население вольных купеческих городов, о котором в основном идет речь в связи с контактами Ганзы с Русью, занимало в этом процессе одно из лидирующих мест.

Необходимость фамилии, которая бы сочеталась с крестильным именем и уточняла идентичность человека независимо от его родины или профессии, особенно ясно осознавалась в городах. В условиях становления личного гражданского статуса жителей городов и вытекающей из него их пра-

новой самостоятельности фамилия развивалась как имя, которое не определяло бы человека через общность географического местожительства или родины предков либо профессиональной принадлежности, а, напротив, выделяло бы его из числа соседей-горожан, бывших односельчан или собратьев по ремеслу. Например, одна из знаменитых фамилий Любека – фон Бардевик – известна с 1188 г., когда первый из ее представителей упоминается в качестве любекского ратмана. Предположительно он был родом из небольшого городка с таким же названием (нем. Bardowick), откуда переселился в Любек в период его превращения в значительный торговый город. Однако далее в Любеке известно несколько поколений Бардевиков, в том числе ратманами были 14 членов семьи на протяжении 1188–1350 гг., для которых сохранявшееся за ними именование *van Bardewik* уже не обозначало связи с родиной предка. Оно стало независимым от топонима родовым именем, т.е. фамилией. Интересно, что в XVI в. в Любеке известны другие Бардевики, представители неродственной линии, которые происходили из Люнебурга [12].

На этом примере видно, что становление фамилий сопровождается десемантизацией первоначального признака номинации (в данном случае – город происхождения) и закреплением за генеалогической линией (а не за отдельной персоной). Для сравнения можно привести противоположный пример жившей в IX в. святой Марианы Бардовикской (*Marian von Bardowick*): в отличие от предыдущего примера, он иллюстрирует как персональный характер именованья, так и его актуальный географический смысл.

Следовательно, о становлении фамилии можно говорить, когда первоначальная семантика обозначения теряет актуальность. Процесс десемантизации может сопровождаться и другими лингвистическими признаками, свидетельствующими об отрыве фамилии от первоначального обозначения; в данном случае это различие в написании: фамилия любекских Бардевиков (*Bardewik*) пишется уже иначе, чем название города (*Bardowick*) и титул святой Марианы.

Другой пример десемантизации можно наблюдать, когда в документах Любека магистратский служащий назван *Johannes Piscator*. В этом случае ясно, что вторая часть имени («Рыбак») уже не могла в его время быть профессиональным обозначением, так как его обладатель не занимался рыбной ловлей, а значительную часть жизни (в 1289–1315 гг.) работал в городском совете [13. S. 29].

Подобные факты, собранные в источниках и в исследованиях по социальной и экономической истории Любека, свидетельствуют о становлении фамилий в этом городе уже около 1300 г. Этот – не только лингвистический, но и социально-исторический – факт истории Любека хронологически соответствует закреплению результатов иммиграции в XII–XIII вв. из Бардовика и окружающих земель [14. S. 38–39; 15. S. 243–244; 16. S. 250–258.]. Можно иными словами охарактеризовать этот процесс как период, когда выходцы из Бардовика становились любечанами и приезжие из Вестфалии переставали считать себя вестфальцами.

Структурные признаки фамилий

Эмансипация антропонимов, т.е. лингвистический отрыв фамилий от их источников – топонимов или гидронимов, профессиональных обозначений и прозвищ разного типа – представляет собой исторический процесс, занимающий длительный период, и в Любеке времени создания «Памятной книги» он не достиг еще полного завершения. Поэтому далеко не во всех случаях удастся четко отличить фамилии от их источников (прозвища, топонима, названия профессии) и получить конкретную рекомендацию для русского перевода.

Фонетическая и орфографическая дивергенция, о которой говорилось выше, позволяет отличить фамилию от источника обозначения на большой хронологической дистанции (в современном языке), но в отношении XV в. этот критерий не работает, так как обе формы еще находятся в процессе изменения и сильно колеблются.

Более информативны для установления формы фамилий отклонения в грамматических и синтаксических свойствах по сравнению с их источниками:

1. В качестве фамилии лексема может иметь форму множественного числа, тогда как для исходного топонима или гидронима плюралис невозможен.

2. Прозвища могут иметь основу среднего рода, а топонимы – женского, но в качестве фамилий у них меняется грамматический род (в данном материале – на мужской).

3. От исходных топонимов и гидронимов производные фамилии отличаются тем, что не всегда оформляются от их именительного падежа: нередко они восходят к целым синтаксическим конструкциям, описательным обозначениям типа «NN из Бардевика». Для таких фамилий необходимо установить их форму номинатива; она выясняется из синтаксиса тех контекстов, которые предоставляет источник. Например, в некроложном перечне книги все записи оформлены с глаголом *obiit* «скончался» и именем усопшего в качестве подлежащего: «Бруно Варендорп, который много лет был бургомистром»: *Bruno Warendorp de lange Jare borg(er)mester was (fol. 22r b, 48)*. По-русски формой номинатива будет Варендорп, изменяющаяся по мужскому согласному склонению. Но в такой же синтаксической конструкции назван *Pleszkouwe*; следовательно, форма номинатива этой фамилии Плескове, с конечным *-e*, которое является не показателем косвенного падежа, а частью основы. В русском переводе такая фамилия не склоняется.

4. В качестве фамилии нередко оформлены целые словосочетания, состоящие из падежных конструкций с предлогом и артиклем, например (*Hermanus*) *van Warendorpe*, (*Alfwin*) *vanne Huse*.

Десемантизация, а также грамматические и синтаксические признаки, названные в пунктах 2–4, помогут отличить фамилию от «нефамилии», однако, как уже отмечалось, не во всех случаях вопрос можно решить однозначно.

Задачи исследования

Решение проблем передачи немецких средневековых имен и фамилий средствами современного русского языка связано с конкретными задачами, лежащими в трех плоскостях:

1) подбор фонетически эквивалентных способов передачи звуков нижненемецкого языка XII–XVI вв. средствами фонетики и орфографии современного русского языка;

2) морфологическое и грамматическое толкование средневековых нижненемецких контекстов, содержащих имена и фамилии, для определения внутренней формы и грамматических свойств немецкого антропонима и его адекватного отображения средствами русской морфологии и грамматики;

3) синтаксический анализ с целью установления цельнооформленности антропонимов, отличающей их от исходного описательного словосочетания.

Все три аспекта важны для успешной исследовательской работы и публикации нижненемецких средневековых источников; все они связаны со значительными трудностями системного языкового решения. Однако лингвистические проблемы, возникающие конкретные задачи и пути их решения в перечисленных аспектах различны, поэтому каждому из них лучше посвятить отдельное исследование. Здесь внимание будет сосредоточено на морфологическом аспекте и частично на синтаксическом. Это значит, что задачей анализа является не рекомендация правил для русской фонетической транскрипции фамилий, а выяснение каждого нижненемецкого морфологического типа и той русской формы, которая ему соответствует и диктует его словоизменительные возможности в контексте русского перевода.

Конкретные аспекты анализа

Развившаяся в средненижненемецком языке редукция привела к значительной омонимии элементов конца слова. Это касается как флексий, так и основообразующих элементов. Для отображения этих частей слов в русском переводе важно прежде всего определить, является ли конкретный конечный элемент флексией данного слова или же составляет часть его основы. От этого будет зависеть, как должна быть представлена в русском эквиваленте основа слова и каковы будут его словоизменительные возможности. Упомянутая омонимия касается в основном трех групп единиц.

1. Омонимы -e:

– несколько различных по происхождению и грамматическим свойствам окончаний имеют вид -e;

– некоторые словообразовательные модели включают суффиксы различного происхождения, также в результате фонетических изменений имеющие в средненижненемецком один и тот же вид -e.

2. Омонимы -en:

– на конце слов может встречаться общая редуцированная форма -en, восходящая к нескольким различным падежным флексиям;

– такая же (омонимичная) конечная форма *-en* в некоторых фамилиях представляет собой флексию множественного числа;

– конечное *-en* может представлять собой редуцированный вариант нескольких основообразующих суффиксов.

3. Немецко-славянские омонимы *-in* и *-ow/-owe*: эти типы также объединяют омонимичные формы; в отличие от двух предыдущих групп речь идет об элементах различного – славянского или немецкого – происхождения и, соответственно, различного морфемного статуса в нижненемецком и различной реализации в русском переводе.

Правильная идентификация этих элементов в нижненемецком слове определяет в каждом отдельном случае передачу конечного элемента в русском переводе, она важна также для определения грамматических особенностей русского эквивалента: того, как должна изменяться данная конкретная фамилия в переводе средневекового текста на русский язык. Поскольку в исследуемом кодексе содержатся только обозначения мужского рода, то речь может идти о выборе между русским вторым (мужским согласным) склонением и несклоняемой формой. Трудность заключается в том, что представители всех перечисленных выше нижненемецких типов – с конечным *-e* или с конечным *-en* в исходной форме, а также с нефлектированным номинативом (с нулевой флексией) – могут в русском языке относиться к обоим словоизменительным типам. Без предварительного анализа невозможно правильное оформление русской формы и отнесение ее к типу склонения.

Подробности самого анализа языкового материала, содержащегося в любекском кодексе, можно (и даже разумнее) оставить за рамками статьи, здесь же целесообразно привести полученные результаты, уже сгруппированные по типам проблем и методам их решения. Таким образом читатель может получить и рекомендации по конкретным фамилиям, и общее руководство для самостоятельных решений в разнообразных трудных случаях, с которыми он встретится при работе с другими источниками.

С учетом конкретных аспектов и поставленных задач собранные фамилии из Любека будут ниже представлены по группам соответственно типу происхождения:

1. Фамилии, производные от топонимов и других географических обозначений. Внутри этой группы единицы исследования расположены в алфавитном порядке по основе, определяющей грамматический тип фамилии (у композитов – по второй основе). Это относится и к однокоренным вариантам типа *-dorp* и *-dorpe*: для удобства поиска им посвящены отдельные описания, расположенные по алфавиту.

2. Фамилии, производные от прозвищ или названий профессий:

а) фамилии от основ существительных;

б) фамилии от основ прозвищ-прилагательных.

3. Фамилии на *-in* и *-ow*.

Языковой материал: любекские фамилии

Фамилии, производные от топонимов и других географических обозначений

-beke

Варианты лексемы «небольшая река, речка», внем. *bach* м.р. (ср. современное слово *Bach*) и *bach* ж.р., в нижненемецком оформлены теми же основами, но с иным фонетическим развитием: *beke*, *becke* ж.р., *beek*, *beck* м.р. / ср.р. Из этих вариантов образовалась обобщенная форма *beke*: с -е, но по мужскому типу, ср. (из герм. **bakjaz*, откуда дсакс. *beki* м.р.) [17]. Отсюда ясно, что конечное -е в нижненемецких фамилиях на -*beke*, как и у самого этого существительного, принадлежит основе и не меняется при склонении. Эту особенность нижненемецкого, отличающую слова данного типа основы от верхненемецких (не сохраняющих конечного гласного германской *ja*-основы), можно проиллюстрировать на следующем примере из «Памятной книги»: в фамилии *va(n) medbeke* содержится название небольшой реки в Рейнской области; сегодня она известна под аналогичным, но уже верхненемецким названием *Mitbach*. В русской передаче такая фамилия по верхненемецкому типу склонялась бы (ср. *Бах*, у *Баха*), тогда как у нижненемецкой фамилии конечное -е является исходом ее основы и в русском переводе такая фамилия не склоняется, например: *Бернард Медбеке*, у *Бернарда Медбеке*.

В «Книге» такими примерами являются: *Bernardus va(n) medbeke*, *Hermen Sundesbeke*¹.

Поскольку -*beke* выступает как наиболее частотная составная часть композитных названий рек, то топонимы на -*beke* многочисленны [18. S. 193] и производные от них фамилии тоже встречаются часто.

-berg/-borg

Названия, содержащие вторую часть -*borg* или -*berg*, не поддаются четкому семантическому различению; топонимы на -*berg* (ср. существительное со значением «гора») встречаются у крепостей или поселений независимо от наличия поблизости горы, а корень -*burg* (букв. «крепость»), по всей видимости, обозначал защищенность обозначаемого места и мог относиться как к неприступному положению (на скале, возвышенности), так и к укрепительным сооружениям, защищающим его. По этой причине в средневековых источниках отмечается даже варьирование топонимов на -*berg* и -*burg* в отношении одного и того же места [18. S. 194]. Различаясь в грамматическом роде и типе склонения (соответственно мужской и женский), оба варианта сходны в том, что с древних времен имеют форму именительного падежа с нулевой флексией, поэтому конечный гласный может появляться в них только в косвенных падежах. Это относится ко всем фамилиям на *snem*. -*berch*/-*borch* без исклю-

¹ Последняя фамилия, как и *Медбеке*, имеет нижненемецкое происхождение: Герман *Сундесбеке* уроженец *Мюнстера*, жил в *Любеке*, где был купцом и ратманом.

чения (и к их фонетическим диалектным вариантам, как *-barch*, с переходом *er + согласный > ar + согласный*) [19. С. 43].

В кодексе из Любека встречаются примеры: *Henricus van Erteneborch*, *Joh(ann)es Clingenberch*, *Wedekindus klingenberch*, *B(er)nardus oldenborch*, *Johan Spangenbarch*.

При переводе на русский язык фамилии данного типа принимают окончания второго склонения мужского рода; в случаях (которые в анализируемом источнике, правда, не встречаются), если в контексте имеются в виду женщины, фамилии не должны склоняться.

Отдельный случай – титулы аристократов или священнослужителей, происходящие от топонимов нижненемецкого региона на *-berg/-borg*. По-русски они передаются формой прилагательного, причем, как правило, в верхненемецкой фонетической форме (т.е. без учета нижненемецкого конечного спиранта *ch < g* и понижения гласного *-o-* в *borch*), например *biscop to Rasseborch* «епископ Ратцебургский» (ср. титул русского аристократического рода «Ольденбургский» в отличие от имени любекского гражданина *B(er)nard oldenborch*).

Оверхненемечивание аристократических фамилий на *-berg*, *-burg* или, например, на *-stein* соответствует традиции, даже в случае их нижненемецкого происхождения (ср. *Гольштейн* в титуле *Гольштейн-Готторп-Романовы*, но снем. *Holsten*).

Пример в кодексе: *biscop to Rasseborch*.

-berge/-borge

В кодексе встретилась фамилия со второй основой *-berge*, восходящая к синтаксической конструкции датива с предлогом *vp* и артиклем *de*: в форме номинатива она имеет вид *Beringerus vp de Koberghe*. *Koberg* – населенный пункт в Шлезвиг-Гольштейне, т.е. на средневековой нижненемецкой территории.

В данном случае конечное *-e* (первоначально окончание дательного падежа) может в фамилии являться уже неизменяемой частью основы (ср. названия двух городов *Wittenberg* и *Wittenberge*). В русской передаче она в таком случае сохраняется (*Берингер уп де Коберге*), а фамилия не склоняется.

Учитывая единичность этого случая, можно было, очевидно, не выделять его в особую группу, однако ниже встретятся регулярные параллельные варианты фамилий – от формы номинатива и от формы косвенного падежа. Там эти варианты будут рассмотрены отдельно.

-dorp

В фамилиях на *-dorp* эта вторая часть восходит к существительному снем. *dorp* «деревня», которое относится к а-основам среднего рода и с самых древних письменных свидетельств имеет в номинативе нулевую флексию: ср. дсакс. *thorp* (IX в.), двн. *thorf* (с VIII в.) [18. S. 194–195]. Фамилии этого типа обозначают в кодексе из Любека мужчин и, несмотря на средний род исходного существительного, относятся к мужскому роду и также имеют номинатив с нулевой флексией.

В кодексе этот тип представлен примерами: nyendorp, Godfridus van Stodhorp, Gyselbertus van Warendorp, Bruno Warendorp, Hinrik Castorp, Hinricus Amendorp, Wedekindus de warendorp.

В русском переводе такая фамилия склоняется по русским мужским основам на индоевропейское -о (которым соответствуют германские а-основы), т.е. по второму склонению), например *Амендорп* – *Амендорпом* (если под фамилией указана женщина, то форма несклоняемая).

-dorpe

Наряду с формами на -dorp, в основе которых лежит номинатив с нулевой флексией (см. выше), часто встречаются варианты, для которых исходной является другая падежная форма. Характерно, что они часто выступают в сочетании с предлогом *van*, который требует дательного падежа; действительно, формы существительного dorp на -e соответствуют дательному падежу единственного числа. Эти варианты (например, Goschalcus van warendorpe) формально сохраняют синтаксическую структуру словосочетания «(NN) из Вarendорпа». Статус фамилии (а не описательного словосочетания) требует в таких случаях дополнительной проверки, в качестве которой могут служить контексты из некроложных записей, где эти варианты с -e, происходящие от датива, несомненно, являются подлежащими, т.е. формой номинатива: Goschalcus van warendorpe o(bit). В латинских контекстах им соответствует конструкция с *de*: Hinricus de Alendorpe, однако и без предлога здесь возможна форма на -e (например, bodendorpe); она, следовательно, уже не зависит от синтаксического управления со стороны предлога. Это означает, что и в латинских, и в немецких контекстах с *de* или *van*, как и без предлогов, варианты на -e функционируют в качестве номинатива фамилии.

В кодексе встречаются формы номинатива на -e: bodendorpe, stochghelstorpe, Nyendorpe, Goschalcus van warendorpe, H(er)manus van Warendorpe, Gerwinus van Stadthorpe.

В русской передаче им соответствуют несклоняемые формы мужского рода на -е.

-feld

Это распространенный тип фамилий-обозначений по месту жительства. Старые контексты показывают описательную модель: в форме синтаксической конструкции с различными предлогами, ср. в упоминании некоего Балдевина *Baldewin an dem felde* («около поля») в 1345 г., *Petrus in dem felde* («в поле») из источника 1280 г., а также *Ticze vom felde* «Тице (краткое от Дитрих) с поля» в 1390 г. [20] Семантика этого именованья («около поля») показывает, что первоначально оно должно было обозначать крестьянина; однако в любекском кодексе их носители были потомственными горожанами, ратманами и другими известными в городе людьми. Следовательно, налицо десемантизация исходной конструкции, причем она сопровождается (как и у фамилий на -dorp) переходом из среднего рода (от снем. *felt*, ср.р.) в мужской.

К ним относятся примеры из кодекса: *Paul Pomerfeldt*, *B(er)nardus Cosfelt*, *Marq(wa)rdus van Cosfelt*.

В русском переводе эти формы с нулевой флексией номинатива склоняются как согласные мужские основы.

-felde

Несомненная десемантизация позволяет также считать фамилиями именованная на -felde. В этих вариантах окончание -e происходит из датива в цитированных выше локативных конструкциях «van / in / an + датив с артиклем» (см. -feld). Форма косвенного падежа на -e реализуется в латинском контексте с de. В обоих языках -e может сохраняться и в номинативе фамилии: очевидно, оно стало структурным элементом ее основы, ср. Johan nesfelde, Marq(wa)rdus van Cosfelde.

В кодексе оба варианта – на основе номинатива -feld и косвенного падежа -felde – могут встречаться в отношении одного и того же человека в записях, сделанных в близкое время, ср. Barnardus van Cusfelde, B(er)nardus de Cosfelde и B(er)nardus Cosfelt. Это ясно показывает, что употребление форм его фамилии еще не унифицировалось ко времени «Памятной книги», только десемантизация этого «крестьянского» обозначения говорит о том, что это все же фамилия.

Примеры в кодексе: Walkesvelde, Johan nesfelde, Marq(wa)rdus van Cosfelde, Barnardus van Cusfelde, B(er)nardus de Cosfelde.

В русском переводе вариант на -e не склоняется (тогда как вариант с нулевой флексией номинатива склоняется по мужским основам). Сам выбор варианта фамилии – типа Косфельд или Косфельде – принадлежит автору русского перевода в зависимости от конкретного оригинала; оба варианта в принципе допустимы.

-graven

Существительное мужского рода слабого склонения graven «ров, канава» имеет -en в основе, которое поэтому не является окончанием и сохраняется во всех формах.

Описательная дативная конструкция с предлогом bi- и артиклем стала основой для фамилии (Sibrandus) bij deme graue(n), букв. «(Сибранд) у Канавки».

В русском переводе фамилии на -гравен должны склоняться в мужском роде (фамилия женщины в этом случае не склоняется).

-hagen

Вторая часть -hagen – от существительного двн., дсакс. hagan, снем., свн. hagen, которое, в свою очередь, является производным от двн. hag, has, свн. hag «огораживание, огороженный участок, загон для скота; ограда из кустарника». Признак номинации (по освоенной и огороженной территории) лежит в основе соответствующих топонимов на -hagen (ср. Hagen, Klingenhagen и др.), далее он реализуется в фамилиях, со временем подвергаясь десемантизации.

Существительное слабого типа склонения hagen имеет во всех формах -en, которое не является окончанием (ср. в форме генетива с флексией -s: hagens). В соответствующей фамилии в русской передаче -en сохраняется во всех падежах: -хаген, -хагену и т.п.

-hagene

Встречается вариант этой фамилии по образцу нижненемецкой флектированной формы датива единственного числа с *van* (+ *deme*): *Gherardus va(n)me haghene*.

Такие случаи немногочисленны; по-видимому, можно при переводе на русский язык исходить из варианта на основе номинатива и склонять по мужскому типу фамилии на -хаген.

-hof

Фамилии этого типа происходят от топонимов на -hof и основаны на падежной форме существительного сннем. *hof*, *hoves*, обозначающего огороженное или окруженное постройками пространство, двор, сад, огород, а также сами эти постройки, жилище.

В фамилиях на -hof реализуется форма нижненемецкого номинатива без флексии и с глухим -f в исходе, например *Johan Wytinckhoff*.

В переводе такие фамилии следует употреблять в русском именительном падеже без флексии и склонять по мужскому согласному склонению.

-hove

Флектированные варианты на -hove, в основе которых лежит датив с гласной флексией и звонким [v], встретились в латинском контексте *Hinricus de Inghenhoue*, *Hermannus de Hove*. Однако, поскольку без предлога варианты на -e не обнаружены, их можно рассматривать как синтаксически все еще зависящие от падежного управления в конструкции, т.е. не окончательно утвердившиеся в статусе фамилий.

По этой причине по-русски правомерно исходить из формы нижненемецкого номинатива на -hof, употреблять его в русском именительном падеже без флексии и склонять по мужскому согласному склонению.

-hus/-huse

Те же закономерности действуют и в отношении фамилий на -hus. В основе номинации лежит существительное двн., дсакс., сннем., свн. *hûs* «дом».

Соответствующие фамилии выступают в форме, восходящей к конструкции датива с предлогом *van*, причем в кодексе они встречаются с артиклем (*vanme*, из полной формы *van deme*), в том числе как с сохранением окончания -e, так и без него, ср. *Aluinus va(n)me hus*, *Alfwin vanme Huse*, *Ludbertus vanme huse*.

Думается, что, исходя из актуально сохранной синтаксической связи в данной конструкции, можно на русском языке использовать единую форму номинатива *Хуз / Хус* и закономерные для мужского согласного склонения окончания.

-husen

Другой вариант фамилий с корнем -hus основан на плюралисе датива на -en. Древняя форма дсакс. *hûsun*, *hûson*, дат. пад. мн.ч. от *hûs* «дом», является основой номинации топонимов с данной второй частью, понимаемой как «около домов», «из домов» [20]. Производные фамилии могут сохранять от изначальной синтаксической конструкции предлог *van*.

В источнике встречаются: (с предлогом van) Henricus van Ludinchusen, Hermann van Dertighusen, Thidericus van Northusen, H(er)manus van de Vishusen, Bartoldus van Rekelinghusen и (без предлога) Hinrick Bellingshuse(n), Tydeman Efinghusen.

На русском языке за основу берется полная форма с конечным -ен и склоняется как сингулярис по второму мужскому склонению (для сравнения можно вспомнить, например, российского мореплавателя Фаддея Беллинсгаузена, происходящего из остзейского немецкого дворянского рода, и названного выше его однофамильца из Любека: Hinrick Bellingshusen).

orten/-orten

Очевидно, так же, как в случаях -hagen, -tunen (см. ниже), решается вопрос в отношении фамилии de Orten, которая, как можно предположить, образована от существительного ннем. ort, ord, свн., нем. Ort «место, населенный пункт». Оно имеет в нижненемецком несколько вариантов формы генетива ед.ч., среди них orden [17], к которой можно возвести данную фамилию (букв. «из местечка»).

В источнике встречается: Hennekinus de Orthen.

На русский такая форма может быть переведена как Ортен, де Ортен и отнесена к типу склонения мужского рода на согласный («у Ортена»).

-rod

Ряд фамилий происходит от топонимов, имеющих форму композитов со второй частью -rôt, чаще -rode (о втором варианте основы и о происхождении обоих существительных см. ниже: -rode).

Вариант на основе существительного rôt реализуется в фамилиях от нефлектированного номинатива, т.е. на -rod, -rad. В кодексе встречается: H(er)manus Blomenrod.

В русском переводе этот вариант склоняется по русскому мужскому типу (2-е склонение).

-rode

Эта вторая основа сложных фамилий соответствует существительному rôde, производному от глагола сннем. goden «корчевать или выжигать деревья, пни; расчищать землю от леса», в древности зафиксировано двн., свн. giuten [18. S. 197]. О другом производном существительном, сннем. rôt, сказано выше в разделе к -rod. Эта модель топонимов, обозначающих такие расчищенные участки, имеет интересную особенность: первая часть композита может, как и у других описанных типов, содержать название географического места (возможно, таким является Lipperode – букв. «расчищенная земля по реке Липпе»), но часто она является обозначением персоны (владельца раскорчеванного участка?). Например, топоним, от которого произведена фамилия Greverode, сохраняет ссылку на местного графа, инициировавшего расчистку земель [21. S. 11].

В кодексе встретились Alff Greverode, Hinrik Lypperode.

В русском переводе этот вариант сохраняет конечное -е и не склоняется (ср. фамилию российского канцлера Нессельроде, немца по происхождению).

-son/-sone

Фамилии со второй частью «сын» не многочисленны в кодексе. Обозначения персон через имя отца могут быть разного типа; среди них некоторые, возможно, еще не утратили связи с описательным оборотом «N, сын NN», например: B(er)tramus Joh(an)es stalbukessone «Бертрам, сын Иоганна Сталбука».

Есть, однако, и цельноформленные варианты, вполне вероятно являющиеся уже фамилиями: Hermanus Gherlandessche(n)son (ср. из других источников: Hermannus Gherlandesschensone и аналогичный пример Ghisteltrudesson) [22. S. 68, 103]. Такие формы должны склоняться как слово son, по мужскому роду с согласной основой, хотя в данном случае нельзя не признать, что в русском переводе формы получатся несколько громоздкими.

-tunen

Объяснения этой фамилии найти не удалось, однако можно предположить, что она производна от сущ. tun «ограда, забор», что вероятно, принимая во внимание аналогичные образования на -hagen, также обозначающего ограду (см. -hagen).

В кодексе встречается: Ludeke van Tunen.

По-русски можно передавать и склонять аналогично фамилиям на -hagen: по основе tunen-, как русские существительные мужского рода с основой на согласный.

Фамилии, производные от прозвищ или названий профессий

Поскольку прозвищами могут служить как существительные различных словообразовательных и грамматических типов, так и прилагательные, далее будут рассмотрены отдельно фамилии, образованные на основе существительных (как прозвищ, так и названий профессий), а далее – группа фамилий от прозвищ на основе прилагательных.

Фамилии от основ существительных. Фамилии, происходящие от названий профессий и от прозвищ, близки по своим морфологическим признакам и грамматике, поэтому их можно привести вместе. В отношении обоих типов важно удостовериться в том, что они уже имеют статус фамилий. Приведенный выше пример фамилии Piscator, утратившей значение «рыбак», иллюстрирует важный признак этого статуса: десемантизацию. Перечисленные ниже персоны, упомянутые в кодексе, занимали посты в городском магистрате, были официальными лицами города и тоже не занимались профессиями, названными в их именовании. Статус фамилий дополнительно подтверждается формальным грамматическим

признаком: они употреблены без артикля. Для сравнения можно привести пример, в котором человек представлен в своем «служебном качестве»: henricus, der stad scriuer является магистратским (городским)

писарем и данное обозначение *der stad scriuer* не является фамилией Генриха.

Фамилии обоих типов производны от существительных с различными основами, которые определяют их склонение.

Так, основы с исходом на согласный встречаются в обоих типах:

– в фамилиях, происходящих от названий профессий: *Godfridus Tolner* (букв. «сборщик пошлыны»), *Cord Moller* («мельник»), *Johan Gherwer* («кожевник»), *ffredericus sculteis* («сельский судья или судебный исполнитель»), *Hinrik Klockeman* («пономарь/кистер»), *Johes hogeman* (букв. «важный человек», «высокий чин»).

– в фамилиях – бывших прозвищах: *Johanes Woltvogel* (букв. «лесная птица»), *Gerhardus vryman* («свободный человек»), *Joh(ann)es keiser* (букв. «кесарь, император»).

Оба типа оформлены по модели существительных с исходом на согласный, с нулевой флексией; в транскрибированной форме их следует отнести к русскому второму (мужскому согласному) склонению. Например, *Woltvogel* – Вольтфогель, -фогеля и т.д., аналогично Тольнер, Моллер, Клокеман.

В зависимости от имени, лежащего в основе прозвища (или второй части композита), могут получиться и несклоняемые формы; например, встречаются фамилии обоих типов с исходом на -е: а) от названий профессий: *Hinricus rare* («священник»); б) на основе прозвищ-существительных: *Bere*, *Goldoghe* и др.

Фамилия *Bere* несет в себе основу существительного *bere*, которая представлена в нижненемецком четырьмя омонимами: в словах со значением «медведь», «кабан», «груша», «ягода» [17]. Все эти возможные источники данной фамилии (хотя автор считает наиболее вероятными первые две или даже в особенности первую) подходят по структурным признакам, в любом случае конечное -е сохраняется.

Goldoghe (букв. «Золотой глаз») – фамилия семи известных жителей Любека, из которых трое даже заседали в магистрате¹ [23. S. 751], – имеет номинатив на -е.

В кодексе встречаются: *Abraham bere*, *Lutke Bere*; *Gerhardus goldoghe*.

В русском переводе такие фамилии правильно передавать с -е на конце, т.е. в несклоняемой форме: Папе, Бере, Гольдоге.

Аналогично решается вопрос и для следующих фамилий: *Olricus Dume*, *Weringerus Dodo*, *Conradus Strale*: Думе, Додо и т.д.

С исходом на -e/-en встретилась фамилия *Grape* или *Grapen*.

¹ Относительно слова-источника для этой фамилии не удалось найти точную информацию: такого топонима, судя по проверенным материалам, не существует, есть лишь названия насекомого и рыбы. Первое – это маленькое летающее насекомое с яркими золотистыми глазами (*Goldauge*), оно является естественным врагом тли и в принципе могло быть хорошо знакомо средневековым ганзейцам. Рыба с тем же названием обитает около берегов Америки и вряд ли имеется в виду в этом обозначении.

Форма номинатива этой фамилии неоднозначна: возможен вариант на -е и на -en.

В образовании этой фамилии использовано существительное *Grare* («глиняный горшок с ножками для варки пищи на огне»), также возможное в форме номинатива *Grapen*. В Померании была известна фамилия *von Grare*, этот вариант является вообще наиболее распространенным, хотя бытует и форма *Grare* (без *von*).

В любекском кодексе единственный пример встречается в латинском контексте *De Alvini Grapen*, что не позволяет однозначно определить, является ли конечное -en частью основы или падежной флексией.

В зависимости от исходной формы фамилия склонялась бы по мужскому согласному склонению (*Грапен*, *Грапену*) или – в варианте *Грапе* – была бы несклоняемой.

Фамилии от основ прозвищ-прилагательных. Форму прилагательного имели прозвища, основанные на обозначении личного (часто внешнего) качества, например: «лохматый», в «Книге»: *Siffridus Struue*.

Прилагательное (от которого произошла распространенная фамилия *Struve*, *Struwe*) снем. *struve*, *strūf*, свн. *strūr* имеет значение «лохматый, взъерошенный» (от древних значений «негладкий, неприглаженный» из герм. **strūba-*, **strūbaz*) [17]. В Средней Германии распространен верхне-немецкий фонетический вариант *Straub*, *Straube* (современная форма), тогда как нижненемецким является вариант с интервокальным -v-, начальным s- и монофтонгом *ū*; фамилия *Струве* известна с XIII в. в Гамбурге и Штральзунде.

Наиболее прозрачны семантически фамилии на основе прозвищ по признакам:

– возраста или роста: «старый» в *Borwinus olde*, с формой сравнительной степени *Roleke de oldere*; «молодой» в *Albertus Junge*, «маленький» (малорослый?) в *Adolphus klene*;

– цвета (как полагают, волос): «белый» *Bertoldus Witte*, *Ludolfus Witte*, *Tidericus Witte*; «черный» в *Ethelerus Swarte*, *Guerhardus Swarte*;

– других личных качеств, например: «вялый, слабый, ленивый» в *Radolphus Brode*.

Варианты со сравнительной формой прилагательного *Roleke de oldere* и с его слабой определенной формой *Brun de Witte* несут семантику индивидуализирующего признака (выделяющего определяемый денотат, а не относящего его к какой-либо общности)¹. На основании этого грамматического факта приходится признать, что они сохраняют функцию прозвищ («тот, что старше», «тот, что русский») и не являются в данном источнике фамилиями. Кроме этих двух примеров, остальные, очевидно, можно рассматривать как фамилии.

¹ Об индивидуализирующей функции слабого прилагательного см., например: [24. 342–343; 25. 83–84].

Это важное синтактико-грамматическое и семантическое различие важно для правильной передачи в русском тексте: если прозвища передаются переводом прилагательных «Старший», «Белый / Русый», то фамилии не переводятся, а транскрибируются (Витте, Юнге, Клене) и должны в русской грамматике оставаться несклоняемыми формами.

Фамилии на -in и -ow. Особого внимания в связи с русской транскрипцией заслуживают фамилии на -in и -ow, так как они по большей части имеют славянское происхождение и напоминают русские формы, что требует особой осторожности при их отражении в современном русском переводе. В истории русского языка основой образования многих фамилий, имен, географических наименований на -ин/-ын, -ов/-ев являлись притяжательные прилагательные (ср. *Петров, Царицын* с базовой семантикой «принадлежащий Петру, царице»). В этой функции они склоняются как прилагательные (ср. *прокрустово ложе – на прокрустовом ложе, прокрустовым ложем*), тогда как производные названия городов субстантивируются и начинают склоняться как существительные: *Ростов – в Ростове, за Ростовом* так же, как *город, в городе, за городом*. В немецком языке отрыв топонимов и фамилий на -ow, -in от первоначальных славянских прилагательных еще явственнее и требует точного отражения при переводе.

Фамилии на -in имеют в нижненемецком материале двойное происхождение.

Они могут быть производными от (крестильного) имени в его уменьшительной форме. Сокращенные формы личных имен вообще встречаются в документах Ганзы этого времени очень часто. Такие формы, как *Godeke, Gotke*, могут быть вариантами имен с первой частью *God* – «Бог», как например, *Godfried, Godesmann, Godert*¹. От таких кратких форм могли происходить топонимы. Например, название географического пункта *Hermelin* производно от уменьшительной формы имени *Herman*, от него могла быть далее произведена фамилия *Hermelin*. Аналогичный случай, скорее всего, представляет фамилия *Constin* – от краткой формы имени *Константин*, причем данный персонаж, известный любекский купец и ратман, фигурирует в исторических источниках и как *Hinrich Constin*, и как *Heinrich Constantin*.

В кодексе встречаются: *Clawes Hermelin, Hinricus Constantin* (ум. в 1387 г., л. 23v b) и *Hinrik Constin, Hinricus Constyn* (ум. в 1483 г., л. 26r b).

Эти имена и фамилии на -in не имеют отношения к славянскому суффиксу -ин. Транскрипции *Констин, Константин* и подобные должны склоняться как существительные мужского рода согласного склонения: *Констину, Констанина*.

В отличие от этой первой группы другие фамилии на -in могут быть производными от топонимов славянского происхождения. Так, фамилия

¹ Проверка тождества различных форм одного и того же имени производилась в данном и других случаях по именным указателям в собрании грамот города Любека [24. S. 989].

Parkentin произведена от географического названия: поселение с этим обозначением известно с XII в. на современной территории Мекленбурга – Передней Померании (первоначально заселенной славянами), недалеко от Ростока и Доберана. Интересно, что упомянутый в кодексе ратцебургский епископ (см. выше) имел в миру имя Иоганн Паркентин (ум. 1511).

В «Книге» встречается: Johannes von Parkentin.

По-русски немецкие фамилии на -in склоняются по второму (мужскому согласному) склонению существительных. Грамматические свойства славянского / русского -ин не имеют влияния на склонение этой фамилии в русском переводе: Паркентином (а не Паркентиным).

Несколько слов можно добавить о кратких формах личных имен с уменьшительным суффиксом -kin, хотя они и не являются фамилиями. В нижненемецком именованье такие формы очень распространены, а сам суффикс является германским по происхождению (ср. верхненемецкий -chen в Paulchen «Павлуша, Пашечка») и не имеет отношения к славянскому форманту -in в топонимах типа Parkentin. Несмотря на это, отображение в русском переводе аналогичное: Godekin – Годекин, с Годекином.

Фамилии на -ow/-owe. Фамилия Plescouwe является немецкой, несмотря на сходство с названием русского города Пскова (в средневековых немецких документах Pleskouw, Plescow, в современном немецком Pleskow, Pleskau). По документам из городов Ганзы известно немало людей, носивших фамилию Plescouw, живших в различное время. В Любеке в период создания кодекса жили купцы братья Ганс, Готке и Вильгельм и их отец Годеке Плесков, любекский ратман [26. S. 98]. Семья Плесков на протяжении столетий давала ратманов и бургомистров городам Висбю (с 1205 г.) и Любеку (с 1299 г.).

Вместе с тем все найденные в кодексе фамилии на -ow, -owe все же имеют в конечном счете славянское происхождение, так как являются производными от названий городов и других поселений, основанных славянами на территориях, колонизованных выходцами из нижненемецких земель в XII–XIII вв. Фамилии этого типа произведены от таких славянских топонимов Мекленбурга, Померании, Голштинии, как Гюстров, Замков, Дарсов, Лютов, Потеров, Круков.

В кодексе встречаются формы номинатива: Joh(ann)es van Samekowe, Bernt Darssouwe, Hinricus Pleszcowe, Arnoldus plescowe, B(er)nardus Plescouwe, а также похожая на них (Thidericus) van herlow. Варианты на owe/-ouwe являются номинативами на -e, а не формами косвенного падежа, так как они подтверждаются синтаксическими контекстами в качестве подлежащего, как, например, в некроложной записи Hinricus Pleszcouwe p(ro)co(n)s(ul) obiit (л. 22r b, 49). По-русски им формально соответствует неизменяемое Дарсове, Плескове. Приходится, однако, признать, что в данном случае этот вывод нельзя считать ни однозначным, ни окончательным, учитывая большие колебания в формах на -ow и -owe у одних и тех же фамилий.

Последняя из перечисленных фамилий (van herlow) имеет исход на согласный и склоняется по мужскому склонению; кроме нее, так должны склоняться и варианты на -ow других фамилий. Грамматические свойства славянского -ow и его сходство с русским -ов не имеют влияния на склонение этих фамилий в русском переводе: *Потеров, с Потеровом* (не с *Потеровым*), ср. с аналогичным склонением немецкий топоним Güstrow *Гюстров – в Гюстрове*, так же как *в Ростове*.

Краткие итоги

Фамилии, содержащиеся в книге административных записей города Любека *Liber Memorialis*, принадлежат его жителям: членам магистрата, другим должностным лицам, купцам. События и стороны жизни центрального города Ганзы, в связи с которыми они упоминаются в источнике, представляют большой научный интерес. В то же время средневековые документы по истории русско-ганзейских отношений на нижненемецком языке лишь с недавнего времени активно привлекаются для исследований и публикации на русском языке, в связи с чем еще не выработана лингвистически обоснованная традиция передачи исторических имен собственными средствами современного русского языка.

Поскольку средневековые нижненемецкие фамилии имеют вторичное происхождение (от топонимов, прозвищ, названий профессий), важной задачей является подтверждение статуса фамилии и установление ее исходной формы (именительного падежа).

Исходная нижненемецкая форма фамилии определяется по контекстам источника; выяснилось, что она может значительно отличаться от номинатива исходной лексики семантически, грамматически (в роде и числе), морфологически (по типу основы).

Флексии и основообразовательные элементы в нижненемецком подверглись сильной редукции, в результате которой в нескольких омонимичных аффиксах (нулевой флексии, конечных -e и -en) совпали разнообразные показатели плюралиса, датива и генетива, суффикс слабого прилагательного и сравнительной степени.

В русском тексте переводные фамилии из Любека могут быть отнесены к двум основным словоизменительным типам: к мужскому согласному склонению и к несклоняемым существительным.

В ряде случаев однозначное решение невозможно в силу незавершенности языковых процессов в нижненемецком языке XV в.

Список источников

1. Коваленко Г. Великий Новгород в иностранных сочинениях XV – нач. XX вв. Великий Новгород, 2002. 216 с.
2. Сквайрс Е.Р., Фердинанд С.Н. Ганза и Новгород: языковые аспекты исторических контактов. М., 2002. 366 с.
3. Рыбина Е.А. Новгород и Ганза. М., 2009. 320 с.

4. Лукин П.В. Новгородское вече. М., 2014. 607 с.
5. Сквайрс Е.Р., Мальков А.В. Новгородская кра. Издание, перевод исследования. М., 2020. 216 с.
6. Ганзейские документы по истории Новгорода и Пскова (1392–1409 гг.) / сост. П.В. Лукин, С.В. Полехов, Е.Р. Сквайрс. М. ; СПб. : Нестор-история, 202.
7. Portnykh V., Bessudnova M. Urkundliches Material zum hansisch-dänischen Krieg 1368–1370 aus dem Bestand «Pfundzollherren» des Archivs der Hansestadt Lübeck in der Staatlichen Universität Tomsk // Hansische Geschichtsblätter. 2020. Bd. 138. S. 111–156.
8. Унбегуан Б.О. Русские фамилии. М., 1989. 442 с. Гл. XIII «Фамилии нерусского происхождения: неславянские фамилии», разд. 3.2 «Фамилии немецкого происхождения».
9. Рыбина Е.А. Иноземные двory в Новгороде XII–XVII вв. М., 1986. 174 с.
10. Hammerich, L.L., Jakobson, R. Tönnies Fenne's Low German Manual of Spoken Russian. Vol. 2. Copenhagen, 1970. 566 p.
11. Deutsche Namenkunde: Unsere Familiennamen nach ihrer Entstehung und Bedeutung / hrg. M. Gottschald. Walter de Gruyter, 2020. 648 S.
12. Deutsche Biographie, “Bardewik”. URL: <https://www.deutsche-biographie.de/sfz2058.html>.
13. Haberland H. Lübecker Renten- und Immobilienmarkt in der Zeit von 1285–1315. Ein Beitrag zur Sozial- und Wirtschaftsgeschichte der Hansestadt. (Veröffentlichungen zur Geschichte der Hansestadt Lübeck, Reihe B, Band 1). Lübeck : Max Schmidt Verlag, 1974. 290 S.
14. Hoffmann E. Lübeck und die Erschließung des Ostseeraums // Die Hanse – Lebenswirklichkeit und Mythos. Lübeck, 1998. S. 34–49.
15. Hammel-Kiesow R. Bevölkerungsentwicklung und städtische Topographie // Die Hanse – Lebenswirklichkeit und Mythos. Lübeck, 1998. S. 242–247.
16. Gläser M., Hammel-Kiesow R., Scheffel M. Das Haupt der Hanse: Lübeck // Die Hanse – Lebenswirklichkeit und Mythos. Lübeck, 1998. S. 248–268.
17. Köbler G. Mittelniederdeutsches Wörterbuch, 3. Auflage. 2014. URL: <https://www.koeblergerhard.de/mndwbhin.html> (дата обращения: 11.03.2021).
18. Klose B. Die Ortsnamen des Landkreises Osterode. Niedersächsisches Ortsnamenbuch. Hrg. Uwe Ohainski, Jürgen Udolph. Teil II. (Veröffentlichungen des Instituts für historische Landesforschung der Universität Göttingen. Bd. 40.). Bielefeld, 2000. 267 S.
19. Peters R. Katalog sprachlicher Merkmale zur variablenlinguistischen Erforschung des Mittelniederdeutschen. Teil I // Robert Peters. Mittelniederdeutsche Studien. Gesammelte Schriften 1974 bis 2003, hrg. Robert Langhanke. Bielefeld, 2012. S. 39–64.
20. База данных немецких фамилий GenWiki. URL: <http://wiki-de.genealogy.net/>; <https://genwiki.genealogy.net> (дата обращения: 11.03.2021).
21. Blankertz W. Orts- und Flurnamen unserer Heimat. URL: <http://www.bgv-hueckeswagen.de/veroeffentlichungen/aufsatzblankertz/Orts-%20und%20Flurnamen.pdf> (дата обращения: 11.03.2021).
22. Deecke E. Von der ältesten Lübeckischen Rathlinie. Eine Jubelschrift im Namen des Catharineums zu Lübeck. Lübeck, 1842. 145 S.
23. Lübeckisches Urkundenbuch. Hrg. von dem Verein für Lübeckische Geschichte und Altertumskunde. Lübeck, 1843–1873. Bd. 9. Register. S. 751.
24. Кубрякова Е.С. Первичные и вторичные функции прилагательных, их семантика и вопрос о происхождении слабого типа склонения // Историко-типологическая морфология германских языков: Фономорфология. Парадигматика. Категория имени / ред. М.М. Гухман. М., 1977. С. 339–343.
25. Sarauw Ch. Niederdeutsche Forschungen II. Die Flexionen der mittelniederdeutschen Sprache. Kopenhagen, 1924. 284 S.

26. Carsten J. Netzwerke in Handel und Kommunikation an der Wende vom 15. zum 16. Jahrhundert am Beispiel zweier Revaler Kaufleute. Teil I: Text. Kiel, 2019. 273 S.

References

1. Kovalenko, G. (2002) *Velikiy Novgorod v inostrannykh sochineniyakh XV – nach. XX vv.* [Veliky Novgorod in foreign works 15th – early 20th centuries]. Velikiy Novgorod: Strategiya.
2. Squires, E.R. & Ferdinand, S.N. (2002) *Ganza i Novgorod: yazykovye aspekty istoricheskikh kontaktov* [Hansa and Novgorod: Linguistic aspects of historical contacts]. Moscow: Indrik.
3. Rybina, E.A. (2009) *Novgorod i Ganza* [Novgorod and Hansa]. Moscow: Rukopisnye pamyatniki Drevney Rusi.
4. Lukin, P.V. (2014) *Novgorodskoe veche* [Novgorod Veche]. Moscow: Indrik.
5. Squires, E.R. & Mal'kov, A.V. (2020) *Novgorodskaya skra. Izdanie, perevod, issledovaniya* [Novgorod Skra. Publication, Translation, Study]. Moscow: Izdatel'skiy dom YaSK.
6. Lukin, P.V., Polekhov, S.V. & Squires, E.R. (n.d.) *Ganzeyskie dokumenty po istorii Novgoroda i Pskova (1392–1409 gg.)* [Hanseatic Documents on the History of Novgorod and Pskov (1392–1409)]. (In print).
7. Portnykh, V. & Bessudnova, M. (2020) Urkundliches Material zum hansisch-dänischen Krieg 1368–1370 aus dem Bestand “Pfundzollherren” des Archivs der Hansestadt Lübeck in der Staatlichen Universität Tomsk. *Hansische Geschichtsblätter*. 138. pp. 111–156.
8. Unbegaun, B.O. (1989) *Russkie familii* [Russian Surnames]. Part 13. Moscow: Progress.
9. Rybina, E.A. (1986) *Inozemnye dvory v Novgorode XII–XVII vv.* [Foreign Courts in Novgorod in the 12th–17th Centuries]. Moscow: Moscow State University.
10. Hammerich, L.L. & Jakobson, R. (1970) *Tönnies Fenne's Low German Manual of Spoken Russian*. Vol. 2. Copenhagen: Bianco Lunos Bogtrykkeri A/S.
11. Gottschald, M. (ed.) (2020) *Deutsche Namenkunde: Unsere Familiennamen nach ihrer Entstehung und Bedeutung*. Walter de Gruyter.
12. Deutsche Biographie. (1953) *Bardewik*. [Online] Available from: <https://www.deutsche-biographie.de/sfz2058.html>.
13. Haberland, H. (1974) *Lübecker Renten- und Immobilienmarkt in der Zeit von 1285–1315. Ein Beitrag zur Sozial- und Wirtschaftsgeschichte der Hansestadt*. Lübeck: Max Schmidt Verlag.
14. Hoffmann, E. (1989) Lübeck und die Erschließung des Ostseeraums. In: Bracker, J. & Henn, V. (eds) *Die Hanse – Lebenswirklichkeit und Mythos*. Lübeck: Schmidt-Römhild. pp. 34–49.
15. Hammel-Kiesow, R. (1989) Bevölkerungsentwicklung und städtische Topographie. In: Bracker, J. & Henn, V. (eds) *Die Hanse – Lebenswirklichkeit und Mythos*. Lübeck: Schmidt-Römhild. pp. 242–247.
16. Gläser, M., Hammel-Kiesow, R., & Scheffel, M. (1989) Das Haupt der Hanse: Lübeck. In: Bracker, J. & Henn, V. (eds) *Die Hanse – Lebenswirklichkeit und Mythos*. Lübeck: Schmidt-Römhild. pp. 248–268.
17. Köbler, G. (2014) *Mittelniederdeutsches Wörterbuch, 3. Auflage*. [Online] Available from: <https://www.koeblergerhard.de/mndwbhin.html> (Accessed: 11.03.2021).
18. Klose, B. (2000) Die Ortsnamen des Landkreises Osterode. In: Ohainski, U. & Jürgen, U. (eds) *Niedersächsisches Ortsnamenbuch*. Part 2. Bielefeld: Verlag für Regionalgeschichte.
19. Peters, R. (2012) Katalog sprachlicher Merkmale zur variablenlinguistischen Erforschung des Mittelniederdeutschen. Teil 1. In: Langhanke, R. (ed.) *Robert Peters. Mittelniederdeutsche Studien. Gesammelte Schriften 1974 bis 2003*. Bielefeld: Verlag für Regionalgeschichte. pp. 39–64.

20. GenWiki. (n.d.) [Online] Available from: <http://wiki-de.genealogy.net/> (Accessed: 11.03.2021).

21. Blankertz, W. (n.d.) *Orts- und Flurnamen unserer Heimat*. [Online] Available from: <http://www.bgv-hueckeswagen.de/veroeffentlichungen/aufsatzblankertz/Orts-%20und%20Flurnamen.pdf> (Accessed: 11.03.2021).

22. Deecke, E. (1842) *Von der ältesten Lübeckischen Rathlinie. Eine Jubelschrift im Namen des Catharineums zu Lübeck*. Lübeck: [s.n.].

23. Verein für Lübeckische Geschichte und Altertumskunde. (1843–1873) *Lübeckisches Urkundenbuch*. Vol. 9. Lübeck: Friedr. Asrchenfeldt. pp. 751.

24. Kubryakova, E.S. (1977) Pervichnye i vtorichnye funktsii prilagatel'nykh, ikh semantika i vopros o proiskhozhdenii slabogo tipa skloneniya [Primary and secondary functions of adjectives, their semantics and the question of the origin of the weak type of declension]. In: Gukhman, M.M. (ed.) *Istoriko-tipologicheskaya morfologiya germanskikh yazykov. Fonomorfologiya. Paradigmatika. Kategoriya imeni* [Historical and typological morphology of Germanic languages. Phonomorphology. Paradigmatics. Nominal category]. Moscow: Nauka. pp. 339–343.

25. Sarauw, Ch. (1924) *Niederdeutsche Forschungen II. Die Flexionen der mittelniederdeutschen Sprache*. Kopenhagen: Bianco Lunos Bogtrykkeri.

26. Carsten, J. (2019) *Netzwerke in Handel und Kommunikation an der Wende vom 15. zum 16. Jahrhundert am Beispiel zweier Revaler Kaufleute*. Part 1. Kiel: [s.n.].

Информация об авторе:

Сквейрс Е.Р. – д-р филол. наук, ст. науч. сотр. Лаборатории гуманитарных исследований Новосибирского государственного университета (Новосибирск, Россия). E-mail: skvayrs@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

C.R. Squires, Dr. Sci. (Philology), senior researcher, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: skvayrs@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 31.03.2021;
одобрена после рецензирования 23.01.2022; принята к публикации 09.04.2022.*

*The article was submitted 31.03.2021;
approved after reviewing 23.01.2022; accepted for publication 09.04.2022.*